

ВАСИЛИЙ СЕНКЕВИЧ  
Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny (Siedlce)

## ДИСКУРС КАК ВЕРБАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

### Discourse as Verbal Work of Art: Political Discourse

Understanding of discourse as a derivative word allows the interpretation of its concept on the basis of the categories “form” and “content”. Verbality being a principal feature of any discourse, contradicts nominative speech actually produced, and text as its main product. Ethical aspect of speech is opposed to discursive logos and pathos. “Word” and “action” antithesis is a basic one in the studies of semantics and the forms of functioning of the language from the one hand, and research of the reality of speech in connection with the problem of reference and sense, from the other hand. Being a main form of representing social relations and public consciousness, as well as means of communication, discourse cannot but be of a political nature. Historicity as a fundamental feature of discourse is clearly viewed through the examples of historical works of art.

**Keywords:** political discourse, form, content, verbality, work of art.

«В начале было Слово...»  
[Иоанна1,1]

– А что было *прежде всего*?  
(Вопрос «на засыпку»)

Порассуждаем, *что* нам делать –  
подумаем, *как* нам быть.  
Услышанное

### 1. Представление о дискурсе

В повести В. Шукшина *Калина Красная* содержится диалог между Петром («здоровый мужчина, угрюмоватый, весь в каких-то своих думах») и его женой Зоей («продавщица сельпо, членораздельная бабочка, быстрая и суетливая»). Разговор идет о Егоре Прокудине – воре-рецидивисте, который недавно «откинулся» и приехал к своей «заочнице» Любе – знакомой по переписке.

- К Любке-то приехал... Этот-то, заочник-то, – сразу сообщила она.  
– Да? – нехотя любопытствовал Петро. – Ну и что? – Пнул баллон, другой.  
– Говорит, был бухгалтером, ну, мол, ревизия – то-сё... А по роже видать: бандит.  
– Да? – опять нехотя и лениво сказал Петро. – Ну и что?  
– Да ничего. Надо осторожней первое время... Ты иди глянь на этого бухгалтера! Иди глянь! Нож воткнет и не задумается этот бухгалтер.  
– Да? – Петро продолжал пинать баллоны. – Ну и что?  
– Ты иди глянь на него! Иди глянь! Вот так нашла себе!.. Иди глянь на него – нам же под одной крышей жить теперь.  
– Ну и что?  
– Ничего! – завьисла голос Зоя. – У нас дочь-школьница, вот что! Заладил свое: «Ну и что?» Мы то и дело одни на ночь остаемся, вот что!. «Ну и что». Чтокалка чертова, пень. Жену с дочерью зарежут, он шагу не прибавит...<sup>1</sup>

Несомненную дискурсивную природу в этом диалоге имеют слова Зои. Она сообщает первую новость на деревне, дает ей оценку, высказывает озабоченность в связи с приездом Егора Прокудина. Озабоченность (не путать с озадаченностью!) – один из основных «воодушевляющих» мотивов всякого дискурса. Этот мотив, как правило, присутствует на различных общественных собраниях, проявляется в диалогической речи. Такие слова, как, например, «Хочу высказать озабоченность в связи с...», «Меня заботит...», в дискурсивной речи являются привычными. Общественное мнение считает, что равнодушных быть не может. Причиной озабоченности является какая-то дающий о себе знать проблема («злоба дня»); ср.: «*Что у кого болит, тот о том и говорит*» (поговорка). Если отсутствует проблема, то практически не о чем и говорить.

Озабоченность говорящих направлена в план будущего времени – завтрашний день. Вопросы «текущего» момента обычно дискурсивно не рассматриваются и не решаются. В этом смысле дискурс можно сравнить с врачебной практикой. Дискурсивная «терапия»

---

<sup>1</sup> В.М Шукшин, *Калина красная*, Москва 1973, с. 47.

тем больше востребована, чем больше проблем появляется в здоровье общества. Практически такое положение сводится к тому, что «всегда есть о чем поговорить».

Дискурсивность Петра в приведенном диалоге ограничивается словом *да*. Это слово из его уст звучит «лениво», «нехотя» и, вероятно, только потому, что на дискурс надо отвечать.<sup>2</sup> Вопросительное «*да?*» в приведенном диалоге означает «*правда?*». Цель дискурса – добиться согласия. Ср.: «Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого» [Матвея 5,5]; ср.: *ни да ни нет* – об уклончивом ответе. Всякий дискурс – это дискурс относительной правды, которая, как известно, у каждого своя.

Нельзя не заметить, что языковые личности (термин Ю.Н. Караулова) делятся на две категории. Одни при виде своих сослуживцев или друзей задают «любопытный» вопрос: «*Что нового?*», («*Ну, что у тебя нового?*»). Такой вопрос является дискурсивно направленным, так как предполагает в качестве ответа сообщение. Другие же спрашивают: «*Как дела?*» (версия: «*Ну, как оно?*»). Этот вопрос не предполагает сообщения о том, как обстоят дела. Его интенция – вхождение в партнерский контакт. На вопрос о делах обычно реагируют выражением «*Ничего*». Этим выражением отмечается хабиитуализированное (обычное) состояние дел. Оно проходит «без замечаний», т.е. без прецедентных и чрезвычайных происшествий. Риторическое «*Ну и что?*», смысл которого – «*ничего*», принадлежит не слову, а делу. Петр – человек дела, все остальное его не интересует или интересует «постольку-поскольку».

Итак, дискурс Зои имеет предметное («чтойное») основание. Восклицание «*Ну, что?*» требует от собеседника развернутой вер-

<sup>2</sup> Ср.: На дискурс ваш ответу сначала с конца... (Н.С. Лесков, *Заячий ремиз*).

бализации. Выражение «Ну и что?» («ничего») кардинально ему противопоставлено. Оно отнюдь не является знаком равнодушия. В нем звучит, скорее, уверенность и стойкость. В словаре В.И. Даля и в словаре русских народных говоров (СРНГ) отмечены существительные *ничевошник* в значении «кому все нипочем, кто ко всему приговаривает ничего»; *ничегокалка* – «о том, кто повторяет ничего для собственного успокоения»; прилагательное *ничевый* в значении «хороший, бравый» (*Ничевый малец. Ничевая девка. Хозяин ничевый, и она ничевая и разговорчивая*).

Кто же такие «ничевошники»? Вероятно, те, кто живет не «по результату», а «по ходу» (процессу); те, кому не свойственно предметное «что», но интересно процессуальное позитивное «как». Несомненно, «ничевошником» можно назвать ученого, которому интересны только «его круги»: *Порою ты в годину бед Ведешь себя как Архимед. Твоя страна в руках врагов, А ты: «Не тронь моих кругов!»*. Ср.: *Но они /ученые/ прохлаждаются в тени: во всём хотят быть только зрителями и остерегаются сидеть там, где солнце распяляет ступни* (Ф. Ницше. Так говорил Заратустра).

Не бывает *научного дискурса*. Ученые не общаются, ученые *контактируют*. *Выступить с докладом* (ср. пол. *wygłosić referat*) не значит «сделать сообщение». В науке не бывает *плюрализма мнений*, однако есть разные *точки зрения*. Ученый не *определяет* – ученый *интерпретирует* и *доказывает*. Злободневные для общественной жизни вопросы «*Что делать?*» и «*Кто виноват?*» по идее не должны находиться в поле зрения истинного ученого. В его опытах и размышлениях актуализируются прагматические постановки: «*В чем здесь собственно дело?*», «*Как быть?*». Подобные вопросы не предполагают поведения в соответствии с принципом оптимизации – сделать «правильный выбор». Они ориентированы

на принятие «верного решения», на поиск выхода из актуально возникшей ситуации.

Дискурсивный «что»-план предполагает правду (ср.: *Что правда, то правда*). Утвердить свою правду, убедить другого в своей правоте – цель дискурса. Докопаться до истины, удостовериться – главная интенция недискурсивной речи. *Истина* – Ничто. Вопрос Пилата Христу «А что есть Истина?» есть вопрос риторический.

Предметное дискурсивное «что» выводит содержание предложения за горизонт актуальности – отчуждает его от происходящего «здесь» и «сейчас». Подменяется то, что есть на самом деле, знанием о нем. Совершается метаморфоза смотрящего в видящего – панорама сменяется картиной.

Перфективное «что» – это уже совершение. Что-то *совершается* (делается) и имеет результат, а нечто *происходит* само. У *происходящего* нет результата. Происходящему как процессу (ходу) сопутствует аспект кумулятивный (накопление, капитал, багаж; ср. пол. *zaplecze*).

Рутинное состояние, помеченное дескриптивом «Ничего», проходит на плюс. Дежурный в армии докладывает: «*Товарищ капитан, во время моего дежурства ничего не произошло*»; ср.: ДТП – *дорожно-транспортное происшествие*. «Ничего» – база для всякого предприятия и самореализации.

В «что»-правде заключается политическая сила, в «ничто» воплощена экономическая мощь (иначе *потенция*). Мощный тот, кому «*ничего не стоит*», кому «*все нипочем*». Замечательно, что у «ничего» тот же этимон, что и у глагола *возникать*. Мир возник из *Ничего*. Все, что совершается (делается), совершается на основании «*чего*».

## 2. Дискурс и вербальность

Вряд ли имеется в современной лингвистике представление более неопределенное, чем *дискурс*. Какое-то одно определение, охватывающее все случаи употребления слова *дискурс*, отсутствует. Концепт *дискурс* включает представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке. Когда говорят о дискурсе, то имеют в виду либо речь, «погруженную в жизнь», «текст, взятый в событийном аспекте» (Н.Д. Арутюнова); либо речь, «присваиваемую говорящим» (Э. Бенвенист); либо «специфические правила речевой деятельности» (И.П. Ильин) и т.д. В последнем случае понятие дискурса близко к понятию «стиля», «идиостиля», «языка в языке»: *дискурс Чехова, школьный дискурс* и т.д.

О дискурсе написано много. Приводимые определения дискурса довольно размыты. Чаще всего дискурс отождествляется с текстом: «Дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора»<sup>3</sup> Складывается впечатление, что чем больше пишут о дискурсе, чем больше изучаются различные его виды, тем более этот концепт усложняется и утрачивает свою логику и определенность.

С нашей точки зрения, дискурс получит свои концептуальные контуры, если соотнести его с таким основополагающим свойством языка, как *вербальность*. Наиболее универсальное и обоснованное представление о дискурсе содержится в концепте «слово».

В рассказе А.П. Чехова *Дом с мезонином* изображены две сестры Волчаниновы. Политически настроенная старшая сестра Лидия, озабочена бедственным положением крестьян в своем уезде. Говорит она много.

---

<sup>3</sup> В. Демьянков, *Политический дискурс: История и современные исследования*, «Политическая наука» 2002, № 3, с. 32–43.

Это была живая, искренняя, убежденная девушка, и слушать ее было интересно, хотя говорила она много (здесь и далее разрядка наша – В.С.) и громко – быть может, оттого, что привыкла говорить в школе. (...)

За ужином Лида опять говорила с Белокуровым о земстве, о Балагине, о школьных библиотеках.<sup>4</sup>

Мы играли в крокет и lawn-tenis, потом, когда потемнело, долго ужинали, и Лида опять говорила о школах и о Балагине, который забрал в свои руки весь уезд<sup>5</sup>.

На все, что говорила Лида, мать ее отвечала согласием: – *Правда, Лида, правда, – сказала мать* (А.П. Чехов. *Дом с мезонином*).

Дискурс можно определить как *вербальное действие*, или *говорение* (что делать? – *говорить*). Говорить можно обо всем. Все может стать предметом говорения, поэтому дискурс является наиболее популярной и востребованной формой использования языка в обществе.

Дискурс Лиды характеризуется пафосом – убежденностью. Она не равнодушна к тому, о чем говорить. В этом же произведении представлен и противоположный дискурс – скучное говорение Петра Петровича:

(...) мой Петр Петрович, у которого еще со студенчества осталась манера всякий разговор сводить на спор, г о в о р и л скучно, вяло и длинно, с явным желанием казаться умным и передовым человеком<sup>6</sup>.

Он г о в о р и л о том, как много приходится работать, когда хочешь стать образцовым сельским хозяином. ... Он, когда говорил о чем-нибудь серьезно, то с напряжением тянул «э-э-э» и работал так же, как говорил, – медленно, всегда опаздывал, пропуская сроки (...).

Белокуров длинно, растягивая «э-э-э», з а г о в о р и л о болезни века. – пессимизме. Говорил он уверенно и таким тоном, как будто я спорил

<sup>4</sup> А.П. Чехов, *Дом с мезонином. Рассказ художника*, в: А.П.Чехов, *Собрание сочинений в 12 т.*, Москва 1962, т.8, с. 89;

<sup>5</sup> Там же, с. 94

<sup>6</sup> А.П. Чехов, *Дом с мезонином*, с. 89.

с ним. Сотни верст пустынной, однообразной, выгоревшей степи не могут нагнать такого уныния, как один человек, когда он сидит, говорит и неизвестно, когда уйдет<sup>7</sup>.

Чтобы нагляднее представить себе определяющее свойство дискурса – *вербальность*, – его следует соотнести с теми ситуациям речи, где это свойство отсутствует. Вербальность отсутствует в *именных* (иначе номинативных) продуктах речемыслительной деятельности.

Понятие *именной* понимается в исконном («собственническом») смысле – «чей?»: *именной* – помеченный именем владельца: *именное оружие* (наградное), *именной пропуск*, *именной вексель*, *именной чек*. Будучи всеобщим богатством, слово не составляет чью-либо собственность. Никто не в праве предъявить другому претензию за то, что он употребляет такие же слова, как и он. В каждом случае, употребляя слово, мы присваиваем его себе. Слово «свое» тому, кто его употребляет.

Однако *сказать слово* не то, что *произнести речь*. Произнесенная (артикулированная) мною речь есть *мо я* интеллектуальная собственность. Посягательство на нее чревато юридической перспективой. В связи с этим различаем дискурсивное *словесное произведение* и *именной речевой продукт* – текст. Слово как элемент дискурса *образовывается*, номинация не *образовывается*, но *происходит*. Мы можем, например, проявив любопытство, задаться вопросом, как образовалось слово *стол*, однако обнаруживаем научный интерес, исследуя *происхождение* названия *Брест*. Дискурс *совершается*, а речь *происходит*. Происхождение – вопрос этимологии, понимаемой со времен Платона как науки об истине.

---

<sup>7</sup> Там же, с. 95.

Словесный дискурс имеет своего *автора*, у речи же есть *источник* (продуцент, «законодатель»). Замечательно, что постмодернизм отвергает классическую интерпретацию текста как созданного автором произведения. Текст именной в том смысле, что помечен именем собственным того, от кого он изошел («истек»), кто есть его источник. Существенно то, что когда серия текстов поставлена под одно имя, то это означает, что между ними устанавливается *преемственность*. Тексты одного продуцента не могут не быть родственными (его «детищами»), не могут не наследовать мысли и состояния, обнаруживать прецедентность, рост и развитие. Переходя от текста к тексту, продуцент оттачивает мастерство. Самым зрелым продуктом в ситуации текстопорождения должен стать, по идее, последний текст («лебединая песня»)<sup>8</sup>.

О преемственности и росте мастерства неуместно говорить по отношению к дискурсивному произведению. Автор художественного произведения совершенствует свое словесное искусство. Текст же – категория культуры и техники.

В названном произведении А.П.Чехова старшая сестра Лидия не только, говорит, но и что-то делает. Она ездит с подписным листом просить за погорельцев:

---

<sup>8</sup> Нежелание публиковать свои исследования, опасение скороспелости – черта истинных ученых. Свидетельства об этом находим в их биографиях. Так, о российском философе Н.Ф. Федорове написано следующее: «Мало кому известный – потому что славу и популярность этот аскет и мыслитель считал проявлениями бесстыдства, – но, тем не менее, почитаемый В. Соловьевым, А.А. Фетом, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым и другими знаковыми с ним писателями и философами. Стараясь жить по своему же завету – «не для себя, не для других, а вместе с другими», – он много писал и общался с другими философами, но почти ничего не публиковал (а если и публиковал, то без подписи) и старательно противился любой пропаганде своего учения» (Н.Ф.Федоров, *Философия общего дела*, в 2 т., Москва 2003, т.1, с. 5).

Не глядя на нас, она очень серьезно и обстоятельно рассказала нам, сколько сгорело домов в селе Сиянове, сколько мужчин, женщин и детей осталось без крова и что намерен предпринять на первых порах погорельческий комитет, членом которого она теперь была.<sup>9</sup>

Лилия борется с председателем управы Балагиным, в руках которого находится весь уезд и который «все должности в уезде роздал своим племянникам и зятьям и делает, что хочет» (А.П. Чехов, *Дом с мезонином*).

Как узнаем в конце из рассказа, она добилась определенных результатов.

Лида, по его словам. Жила по-прежнему в Шелковке и учила в школе детей; мало-помалу ей удалось собрать около себя кружок симпатичных ей людей, которые составили из себя сильную партию и на последних земских выборах «прокатили», державшего до того времени в своих руках весь уезд».<sup>10</sup>

Дискурс как целесообразная речь связан с практическим действием, направленным на желаемый результат. Однако во внешнем дискурсе нет того, что называется предприятием («делом»). Дискурс сам по себе не является ни фактом, ни событием, ни хабиитуализированной акцией, ни институциональным актом речи. Дискурс действителен, но не действен. Реальность речемыслительной деятельности в дискурсе не обнаруживается. Субстанция мысли не приемлет языковой грамматической формы – предложения, но воплощается в прагматических конструкциях – высказываниях, составляющих интернациональный интеллектуальный фонд и капитал.

---

<sup>9</sup> А.П.Чехов, *Дом с мезонином*, с. 87.

<sup>10</sup> Там же, с. 104.

### 3. Дискурс и политика

Дискурсивная потребность проявляется в желании кому-то что-то сказать-рассказать. Человеку хочется поговорить, представить кому-нибудь свои, кажущиеся ему важными, соображения. Человек – «животное общественное»; дискурсивная потребность проявляется, как правило, у людей, живущих одиноко. Один из героев рассказа А.П. Чехова *О любви* говорит об этом так:

Было похоже, что он хочет что-то рассказать. У людей, живущих одиноко, всегда бывает на душе что-нибудь такое, что они охотно бы рассказали. В городе холостяки нарочно ходят в баню и в рестораны, чтобы только поговорить, и иногда рассказывают банщикам или официантам очень интересные истории, в деревне же обыкновенно они изливают душу перед своими гостями<sup>11</sup>.

Термин *дискурс* (и часто заменяющий его термин *дискурсивные практики*) обязательно имеет определение – «какой» дискурс. Исследователей интересует не столько дискурс вообще, сколько его возможные разновидности. Противопоставляется *устный* и *письменный* дискурс, выделяется *художественный* дискурс. Дискурс классифицируется в зависимости от его социальной обусловленности, напр.: *студенческий дискурс, школьный дискурс, религиозный дискурс, молодежный дискурс* и т.д. Практически, сколько возможно видов говорения, столько выделяется и разновидностей дискурса. Особое место в ряду многочисленных дискурсов отводится *политическому дискурсу*.

Дискурс по определению и по своей природе не может не иметь отношения к политике. Будучи средством общения, человеческий язык, как доказал Э. Косериу, «политически нагружен», по-

---

<sup>11</sup> А.П.Чехов, *О любви*, в: А.П.Чехов, *Собрание сочинений в 12 т.*, Москва 1962, т.8, с. 306.

сколькx является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык<sup>12</sup>.

Антропологический подход увязывает политику с человеческой природой: предполагается, что соответствующий род общения и взаимодействия с другими людьми обусловлен общественной природой человека. Политика определяет общественные отношения с другими. Как только появляется Другой, т.е. образуется общество, появляется и потребность в политике – форме отношений с ним. В политике как форме сознания присутствуют представления о *целях и планах, мотивах, результатах, общем руководстве* и др. Политика – всеохватывающее явление общественной жизни. Можно, например, говорить о *семейной политике* жены по отношению мужа, его родне, детям, соседям и т.д., о *политике начальника* к своим подчиненным и т.д.

Нельзя жить в обществе, не будучи затронутым политикой. «Политика – это умение использовать возможности» (И. Шоу). Каждый стремится использовать свои возможности наилучшим образом – оптимально. Каждый в определенной степени политик. Однако общественная природа человека не тождественна его индивидуальной и личностной сущности. Личность («Я») – не «каждый»<sup>13</sup>. Дискурсивной потребности большинства противостоит настоятельная созидательная необходимость текстопорождения.

---

<sup>12</sup> E. Coseriu E., *Lenguaje y politica*, [в:] M. Alvared. *Ellenguaje politico*, Madrid 1987, s. 24.

<sup>13</sup> В романе белорусского писателя И. Мележа «Людзі на балоце» встречаем личностный «бунт» против того, чтобы называться «каждым»: *Зноў стрымаў сябе Васіль, як бы скардзячыся некаму са здзеклівай непашанай прамовіў – кажны прыходзіць, кажны камандуе. Каму ахвота! Кажны ўласць над табой! [...] У ім /Міканоры/ жьло, шчымяла. «Кажны» камандуе, каму ахвота...». Думаў помсліва, люта: «Я пакажу табе –*

Политика является потребностью, требующей удовлетворения. Эта потребность присутствует в обществе – социально-дифференцированном образовании. В интегрированных же корпоративных социумах – объединениях по типу братства – в политике нет необходимости; более того, политика здесь вредит делу, «забалтывая» его. В области науки политический логос и пафос уступает место *этосу* – этике и морали ученого.

Политика является не только говорением, но и *деланием*. Думается, вряд ли корректно сочетание «*заниматься политикой*». Звучит парадоксально, однако тот, кто чем-то занят, на самом деле ничего не делает. Тот, кто *думает, исследует*, ничего не делает, так как не совершает какое-либо волевое действие – он *занят* размышлением, *занимается* исследованием. Политикой не занимаются – политику делают. Слова «*работать*», «*делать*», «*надо делать*», «*надо что-то делать*» характеризуют политика и политический дискурс; ср. актуальный вопрос: *Кто делает мировую политику?*

Вопрос «*Что делать?*» со времен Н.Г. Чернышевского является основным вопросом политического дискурса. Показательно в этом отношении, что слово *дискурс* (*discursus*) в латинском языке, из которого оно заимствовано в европейские языки, имеет прямое значение: «бегание взад-вперед», «движение», «круговорот»; «разговор» – это уже переносное значение.

Мотив дискурса-делания (будь то «работа языком» или руками) содержится в слове «*надо*»: «*Я говорю не потому, что мне хочется поговорить, а потому, что так надо*», – вот отношение политика к своему дискурсу. В упомянутом рассказе Чехова политически мотивированная Лида убеждена: «*надо что-то делать*».

---

«*кажны*». Араб якi, ci – уладай пастайлены за сяло адказваць» (I. Мележ, Подых навалыніцы).

– Ах, боже мой, но ведь надо же делать что-нибудь! – сказала Лида. И по тону было заметно, что мои рассуждения она считает ничтожными и презирает их (...)

– Весь наш уезд находится в руках Балагина, – продолжала Лида, обращаясь ко мне. – Сам он председатель управы, и все должности в уезде роздал своим племянникам и зятям и делает что хочет. Надо бороться. Молодежь должна составить из себя сильную партию<sup>14</sup>.

Политическое «надо» указывает на какую-то общественную потребность. Если верифицировать это «надо» вопросом «*А есть ли в этом необходимость (смысл)?*» (версия: «*А стоит ли этим заниматься?*»), то окажется, что необходимости в этом нет и это ничего не стоит, но имеет большую ценность для говорящего. Политики убеждены, что и каким образом надо делать. При этом дискурсивная целесообразность предполагает, как правило, заданный результат<sup>15</sup>.

Считается, что все, что делается в политике, делается ради других, ради общественного блага. Политик призван *защищать* других, *защищать* какое-то положение, *защищать* свою платформу, *защищать* свои политические убеждения. Не секрет, что политический дискурс является не только средством защиты, но и нападения.<sup>16</sup> Однако защищать не значит *гарантировать безопасность*. Защищать и отстаивать свое *мнение* не то, что доказывает собственную *точку зрения*. Интенциональный политический контекст мнения сменяется экстенциональным (именным) контекстом в тех областях человеческой деятельности, где бытует точка зрения (ракурс). Так, наука не направлена на защиту кого-чего бы то ни было. Науч-

---

<sup>14</sup> А.П. Чехов, *Дом с мезонином*, с.89.

<sup>15</sup> В одной шиномонтажной мастерской на стене надпись: *Не говорите мне, что надо делать, и я не скажу, куда вам надо идти*. Это написал явно неполитик.

<sup>16</sup> Защита иногда бывает и такая: бел. «*Як двое навалілася, дык ледзьве адбрахалася*».

ное открытие или гарантирует безопасность, или же выступает угрозой существования чего-кого-либо.

Дискурсивное слово является элементом множества в ряду других элементов. Невербальные единицы речи называются *речениями* (ср. *изречение*), *выражениями*. Слова *говорят*, *сказывают*, а речь *рекут*, т.е. транслируют. Термин *трансляция* называет процесс, в котором происходит смена состояний – переход («транс») от выражения предыдущего состояния транслятора к выражению его последующего состояния. Существительное *речь* происходит от инфинитива *речь* – как *печь* (существительное) от *печь* (глагол), ср.: *сечь*, *течь*. Вербальный дискурс и номинативная по сути речь в древних текстах и произведениях словесного искусства различались глаголами *глаголати* и *решти*. Дискурс предполагает анализ, речь же и ее продукт текст (в переводе: *ткань*) – феномены *синтетические*.

Производить дискурс (*говорить*) не способ. В дискурсивной сфере человек может быть талантливым, однако здесь не бывает гениев. *Ректи*, *изрекать* – удел немногих. Продуцировать речь и сопутствующий ей продукт – текст – способны люди, посвященные в дело, занимающиеся деятельностью. На это обречены пророки, прорицатели, т.е. поэты. Таковым является *Боян Вещий* в «Слове о полку Игореве»: «*Боянь же, братие, не 10 соколовьна стадо лебедей пуцаше, нъ своя вещья пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу р о к о т а х у*» (разрядка наша – В.С.). Рефлексивное же слово «глаголит». Не обладая смыслом, оно имеет кодифицированное значение.

Сущность речи прагматическая. В отличие от производного дискурса и всевозможных дискурсивных практик, текст как продукт речи есть запечатленный реализованный опыт рационального мыш-

ления или эмоционального восприятия реальности. Семантический план языка направлен против речи, т.е. входит с ее прагматическими составляющими в противоречие. Обычно наблюдается противоречие между нормативно-правильным (семантика) и подходяще-удобным (прагматика)<sup>17</sup>.

Реализованный в тексте опыт не только активно выражается, но и пассивно свидетельствуется. *Говорить* не значит *свидетельствовать*. Всякое свидетельство ориентировано на дело (ср.: *проходить по делу свидетелем*) и в этом смысле вступает в противоречие с тем, что говорится-сказывается, т.е. со словом. Звучит парадоксально, однако свидетель ничего не видит – свидетель *замечает*. Замеченное есть замеченное мною – *моя* заметка; ср.: *Мне нечего сказать, однако я могу заметить...* Когда кто-то свидетельствует кому-то почтение, то это *его* почтение: «*Мое почтение Иван Иванович!*». Когда кто-то признается кому-то в любви, то это *его* признание. Свидетельствование непременно «чье», т.е. именное (номинативное)<sup>18</sup>.

В отличие от дискурса, упорядочено представляющего действительность в языковом сознании пользователей языка, речь ненасильственно влияет на саму реальность или выступает действенным способом ее институционализации (организации).

---

<sup>17</sup> Например, следует признать неудобным произношение глаголов женского рода с ударным окончанием (типа *поняла*) при безударном окончании в мужском и среднем роде, а также во множественном числе: *понял, поняли*. Ориентированный на обычный закон аналогии выступает в качестве действенного фактора, влияющего на некодифицированное произношение: *поняла*. Эта версия удобна для носителей языка и тех, кто изучает русский язык как иностранный, однако в соответствии с нормой литературного произношения определяется как неправильная.

<sup>18</sup> Ср. анекдот советского времени: – *Христос воскрес, Леонид Ильич! Брежнев кивнул и пошел дальше. Навстречу Черненко, подхалимно улыбаясь: – Христос воскрес, Леонид Ильич! – Спасибо, знаю, мне уже сообщили.*

Дискурс как обращенное к Другому слово распознается оборотами типа «ты знаешь...», «видите ли...», «вот что...», «вот видишь...», «скажем...», «значит...», «давай...», «ну...», «хочу сказать...» и т.д. Дискурсивный принцип «обращения (оборотиться) – отвращения (отворотиться)» не присущ речи как деятельности. В речевой деятельности обнаруживаются этические и эмические смыслы «приступить – отступить», «подходить – отходить» ; ср.: *обратиться* или *искать подход*; *отречься*. Отступник, преступник, инициатор – реальные фигуры всякой деятельности, в том числе и речевой. Дискурс же как «не-дело» не обладает юридической перспективой: за мнение не судят. Дискурсивное слово направлено на стабилизацию общественных отношений, формирование нравственных устоев.

Дискурс – это представление. Зачины типа «Ты представляешь...», «Представляете...», «Представьте себе...» регулярны в разговоре, диалоге. Посредством слова предмет представляется каким-либо образом (концептом). Быть представлением – значит как раз не быть тем, что представляется. Слово дает нам видимость. То, что есть на самом деле, не входит в содержание дискурса. *Сказать* – значит показать, дать видеть. Коммуникативное действие по глаголу *сказать* – следует понимать в смысле *показ*<sup>19</sup>. То, что выставлялось напоказ, еще недавно называлось «казовым» (казовый товар – лучший).

#### **4. Историчность политического дискурса**

Политический дискурс – явление историческое. Его историчность прослеживается на примерах художественных произведений. Элементы политического дискурса присутствуют уже в памятнике

<sup>19</sup> М.Хайдеггер, *Время и бытие*: Статьи и выступления, Москва 1993, с. 613.

древнерусской письменности «*Слове о полку Игоревым*». «Суть поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед наше- ствием монгольских полчищ».<sup>20</sup> Знаменательным является то, что это произведение трактуется как «слово» – дискурсивное повест- вование.

Вначале анонимный автор колеблется – размышляет о том, как ему поступить: уподобиться ли старинному мастеру Бояну и спеть песню славы или же сочинить повесть «по былинам сего времени». Если отдать предпочтение первому пути, «слова» не получится. Этим путем создается пластичная невербальная (именная) компо- зиция – песня, дума. Бояну Вещему чуждо образное живописание или историческое дискурсивное повествование, выводящее событие за горизонт актуальности. Боян актуально выражает собственное состояние: мыслит в стихе, а не рисует картины прошлого. У Бояна- инструменталиста струны сами рокочат славу – инструмент как бы оживает в руках мастера.

Несмотря на авторскую декларацию о вербальности своего произведения и отказ от прагматического инструментализма, право- мерен все же вопрос: автор слова – кто? Художник, освоивший в совершенстве дискурсивную художественную практику – искусство слова, – или мастер, инструментирующий в звуке смысл?

«Слово...» – лиро-эпическое произведение. В нем присут- ствует и семантика слова, и прагматика речи. Кроме эпического повествования – рассказа о бесславном походе князя Игоря на по- ловцев, – в «Слове...» находят воплощение актуальные речи:

Речь князя Игоря:

---

<sup>20</sup> Маркс К., Ф. Энгельс, *Собрание сочинений*, 2 изд., т. 29, с. 16.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцезъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои брѣзья комони, да позримъ синего Дону<sup>21</sup>.

#### Речь Буй-Тура Всеволодовича:

И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои брѣзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяны, конецъ копія възскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изьострени, сами скачють акы сѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ (...).

#### Речь Кончака:

Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколь къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивницею. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ [...].

Плачь Ярославны также не является вербальным произведением:

Ярославнынѣ гласѣ слышитѣ: зегзицею незнаемъ, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бибрянѣ рукавѣ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавья его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? Чему мычещи Хиновьскыя стрѣлки на своею не трудною крилицю на моя лады вой? Мало ли ти бяшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковилью развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ несала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачеть къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему

<sup>21</sup> Слово о полку Игореве, Перевод, комментарии и статьи А.К. Югова. Москва 1970, с. 5-14.

господине простре горячую свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имѣ лучи съпряже, тугою имѣ тулии затче (...).

Замечательно, что в самом начале автор «Слова...» несколько раз апеллирует к потенциальным читателям-слушателям с выражением «братіе», несмотря на то, что дискурс – язык общества, а не братства:

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстїи о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! Не лепо ли ны бяшет братіе...(…) Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря (...).

### **Заключение**

«Streszczajmy się. Świat jest przeludniony słowami». Этот анти-вербальный лозунг с полным правом может быть отнесен к политическому дискурсу. Словесность – пагубная для дела страсть. Слово не есть дело. Дело – речевой поступок, речевое предприятие. Не бывает «покаянных слов», однако есть покаянные речи – каются не за сделанное, а за содеянное, за деяние («дело»).

Дискурс, если пользоваться метафорой Лейбница, – один из возможных альтернативных миров. К логическому и пафосному дискурсу нельзя применить метафору дома Мартина Хайдеггера: «язык есть дом бытия». Дом – категория этическая, «внутреннее» место. Дома человек есть. Все остальные места – внешние, присутственные, места общего пользования. В дискурсе преобладают «общие места» (лат. *locus communis*) – устойчивый набор образов и мотивов, имеющих регулярное и обязательное для всех вербальное представление.